

Необходим ли системный подход для социогуманитарных исследований?

Розин Вадим Маркович,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com*

Аннотация

Существуют две точки зрения на системный подход и его использование: согласно первой этот подход мыслится как универсальный, пригодный для любых дисциплин и практик; согласно второй он включает специфическую предметность, должен схватывать особенности определенной области знаний. Чтобы выбрать один из них, автор анализирует на материале двух кейсов («Критики чистого разума» И. Канта и работ Г.П. Щедровицкого) формирование и особенности системного подхода, показывая, что он представляет собой проектирование объекта изучения в особой эпистемической ситуации. Ее особенностью является, с одной стороны, наличие нескольких предметов, описывающих предполагаемый объект, с другой – убеждение в существовании онтологии и законов, в соответствии с которыми этот объект может быть спроектирован. Системный подход в данном варианте (как конфигурирование разных предметов и проектирование на основе этого процесса объекта) сопоставляется с гуманитарными и социогуманитарными исследованиями и разработками (исследованием личности А.С. Пушкина и успешным проектом «Донор»), позволяющими обойтись без системных представлений и системного мышления. Их заменяют методология и исследование в предмете. Автор обращает внимание на то, что идеи выявления и поиска целостности, природы и границ рассматриваемого явления, учета связей и влияний, соотношения синтеза и анализа и ряд других, относимых сегодня к системному подходу, разрабатывались содержательно (в других, несистемных понятиях и языках) на протяжении всей истории развития философии, методологии и науки. В результате получается, что необходимо различать методологию системного подхода и другие методологии, позволяющие системные проблемы и задачи решать, так сказать, несистемно.

Ключевые слова: системы, системный подход, мышление, конфигурирование, предметы, объект, методология, реальность, проектирование, проблемы.

Is a Systemic Approach Necessary for Socio-Humanitarian Research?

Vadim Rozin,

Dr. Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,

1 bld., 12 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

There are two points of view on the systemic approach and its use: according to the first, this approach is conceived as universal, suitable for any disciplines and practices, according to the second, it includes a specific objectivity, should grasp the features of a certain field of knowledge. In order to choose one of them, the author analyzes on the basis of two cases (“The Critique of Pure Reason” by I. Kant and the works of G.P. Shchedrovitsky) the formation and features of the systemic approach, showing that it is the design of an object of study in a special epistemic situation. Its feature is, on the one hand, the presence of several objects that describe the proposed object, on the other hand, the belief in the existence of an ontology and laws in accordance with which this object can be designed. The systemic approach in this version (as the configuration of various objects and the design of an object based on this process) is compared with humanitarian and socio-humanitarian research and development (A.S. Pushkin’s personality research and the successful Donor project), which make it possible to do without systemic ideas and thinking. They are replaced by methodology and research in the subject. The author draws attention to the fact that the ideas of identifying and searching for the integrity, nature and boundaries of the phenomenon under consideration, taking into account connections and influences, the correlation of synthesis and analysis, and a number of others that are today referred to as a systemic approach, were developed meaningfully (in other non-systemic concepts and languages) throughout the entire history of the development of philosophy, methodology and science. As a result, it turns out that it is necessary to distinguish between the methodology of a systemic approach and other methodologies that allow systemic problems and tasks to be solved, so to speak, non-systemically.

Keywords: systems, systemic approach, thinking, configuration, objects, object, methodology, reality, design, problems.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Нужен ли системный подход для социогуманитарных исследований? // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 2, ч. 1. – С. 145–159. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-145-159.

Rozin V. Is a Systemic Approach Necessary for Socio-Humanitarian Research? *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 2, pt. 1, pp. 145–159. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-145-159.

Введение

В статье с несколько похожим названием: «Системный подход для космологии» [10] я развел два направления развития системного мышления. В первом системное мышление мыслится как универсальное, пригодное для любых дисциплин и практик. Во втором понятие системы включает *специфическую предметность* (должно схватывать особенности определенной области знаний, определенной предметной области: биологии, техники, права или, скажем, социогуманитарных исследований). Другими словами, системные подходы различаются в разных областях знания и познания.

На это различие я вышел, продумывая исследование системного подхода Г.П. Щедровицким. Он утверждает, что этот подход предполагает, во-первых, конфигурирование сложившихся разных предметных представлений изучаемого явления; во-вторых, системное мышление должно конституироваться вместе с методологическим мышлением, как его аспект и составляющая. При этом Щедровицкий показывает, что результатом конфигурирования выступает построение исследуемого явления как особого объекта – системы (это «идеальный объект», т. е. мы его конструируем, приписывая определенные характеристики, которых дальше, в дискурсе, и придерживаемся).

«Реально сущность системной проблемы, – пишет Щедровицкий, – состоит в том, что мы имеем несколько разных предметов, соответственно, несколько разных представлений объекта <...> и начинаем решать задачу, как все эти представления собрать, соединить и трансформировать так, чтобы получить единое представление объекта <...> Область существования подлинно системных проблем и системных объектов – это область методологии, а не собственно теории <...> системная проблематика и системные исследования существуют именно там и только там, где мы сохраняем несколько разных предметов и должны работать с этими разными предметами, как бы над ними по ним, добиваясь связанного описания объекта, при различии и множественности фиксирующих его предметов» [7, с. 77, 81]. «Системный подход в нынешней социокультурной ситуации может быть создан и будет эффективным только в том случае, если он будет включен в более общую и более широкую задачу создания и разработки средств методологического мышления и методологической работы» [8, с. 114].

При таком понимании и задании системного подхода кажется, что он должен быть специфическим для отдельного предмета (дисциплины), правда, только если предположить, что нет одной (единой) методологии, и методологии разные в разных областях знания, философии и науки.

Однако Щедровицкий так не думал, он считал, что методология одна – та, которую он построил (автор этот вариант методологии назвал «панметодологией»). «Методология, – писал Щедровицкий в 1983 г., – это не просто учение о методе и средствах нашего мышления и деятельности, а форма организации, и в этом смысле “рамка” всей мыследеятельности и жизнедеятельности людей» [5, с. 118]. Методологическое мышление является «универсальной формой мышления», рефлексивно «охватывающей все другие формы и типы мышления» [6, с. 152]. Поэтому, несмотря на то что системный подход «Московского методологического кружка» (ММК), по Щедровицкому, создавался в лоне методологии, он понимался как универсальный, а не специфический для отдельных областей знания и дисциплин. Я же утверждал именно «популярность» (множественность и различие) как методологий, так и связанных с ними системных подходов.

Основная часть

В другой работе [2] я высказал предположение, что помимо задачи конфигурирования разнопредметных представлений изучаемого явления системный подход и стратегия направлены на то, чтобы выявить и описать *органику (природу)* исследуемого явления. Например, Кант в «Критике чистого разума» вводит системный подход (кстати, впервые в истории философии) прежде всего как особую методологическую стратегию, не просто объединяющую разные элементы метафизики, а позволяющую придать всему построению органичность, обусловленную их принадлежностью к разуму [2, с. 20]. Остановимся на этом подробнее.

Если предположить, что в «Критике чистого разума» изучается именно разум, причем трактуемый как природа (Кант приписывает разуму вечные законы, которые в то время относились к природе), то спрашивается: в каких предметных представлениях Кант видел природу разума? При этом нужно еще учесть, что речь шла о реформе метафизики (разума). «Наш век, – пишет Кант, – не намерен больше ограничиться мнимым знанием и требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание, и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания – не путем приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика самого чистого разума*. <...> Задача этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей <...> если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний» [1, с. 75–76, 91–92].

Предполагаю, что в те времена, когда формировалась европейская культура, разум (так же как свобода, наука, природа) воспринимался как «непосредственная реальность» (на это обращал внимание Вадим Межуев). Нужно было только отрефлексировать эту реальность и понять как смысловое основание европейской культуры.

Так вот, разум как объект для Канта был дан (существовал) в нескольких внешне не связанных между собой предметах. Начать можно с него самого: чистый разум для Канта существовал в разуме (личности) самого Канта, этот момент нетрудно разглядеть, анализируя литературную форму рассуждений «Критики». Чистый разум для Канта существует в высказываниях (разуме) других философов, начиная с Платона и Аристотеля и заканчивая его современниками (с одними он соглашается, с другими спорит).

Поскольку Кант хотел высвободить в рациональном дискурсе место для Бога, он приписал чистому разуму божественную прерогативу, постольку чистый разум, по Канту, дан и как направляющий разум Господа. «Высшее формальное единство, – объясняет Кант в заключении, – основывающееся исключительно на понятиях разума, есть целесообразное единство вещей, и спекулятивный интерес разума заставляет рассматривать всё устройство мира так, как если бы оно возникало из намерения наивысшего разума <...> Следовательно, допущение некоего высшего мыслящего существа как единственной причины мироздания, но, конечно, лишь в идее, всегда может быть полезным разуму и никогда не может повредить ему» [1, с. 581–582].

Следующий предмет – философия и наука в их взаимосвязях, проявляемых, с одной стороны, в деятельности философов и ученых (философия направляет науку и, в свою очередь, основывается на ней; мышление философа уподобляется действию разума, а мышление ученого – действию рассудка); с другой стороны, в отношениях, связывающих *априорные представления* (для разума это трансцендентальные идеи, для рассудка – категории).

Не менее важным самостоятельным предметом для Канта выступает созерцание и мышление (рассудок). Посредством этих двух способностей человека, обусловленных априорными представлениями, разум познает природу и получает знания. «Но свет, – пишет Кант, – открылся тому, кто первый доказал теорему о *равнобедренном треугольнике* (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям, мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное

априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию <...> всякий опыт содержит в себе кроме чувственного созерцания, посредством которого нечто дается, еще и *понятие* о предмете, который дан в созерцании или является в нем; поэтому в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия; следовательно, объективная значимость категорий как априорных понятий должна основываться на том, что опыт возможен (что касается формы мышления) только посредством них <...> априорные понятия следует признать априорными условиями возможности опыта (будь то возможности созерцания, встречающегося в опыте, или возможности мышления)» [1, с. 84–85, 188].

Думаю, предметов, представляющих чистый разум, для Канта было больше, но всё же главные указаны. Но каким образом Кант конфигурирует, собирает в целостность объекта (не забудем: построения, категоризируемого как идеальный объект, отсюда прилагательное «чистый») представления, заданные этими предметами? Здесь была подсказка, указанная задолго до Канта в «Трактате о системах» Д.Б. Кондильяком. Для последнего система – это сознательно формируемые ученым принципы и основанные на них знания, описывающие природу. Под принципами, число которых должно быть минимальным (в идеале 1), Кондильяк понимает положения, на которые опираются все остальные суждения определенной системы, и первопричины (т. е. уже не знания, а онтологические сущности), и «начала» (здесь вспоминается Аристотель), и даже «законы» природы. Судя по «Критике чистого разума», Кант использует переосмысленное и дополнительно развитое им понятие системы как средство конфигурирования, приписывая чистому разуму такие свойства, как «систематическое единство» и «целостность», соединяя с помощью понятий «функция», «связь», «обусловленность», «синтез» предметы, задающие для Канта чистый разум.

«Рассматривая все наши рассудочные знания во всем их объеме, – пишет Кант, – мы находим, что то, чем разум совершенно особо располагает и что он стремится осуществить, – это *систематичность* познания, то есть *связь* знаний согласно одному принципу. Это единство разума всегда предполагает идею, а именно идею о форме знания как *целого*, которое *предшествует определенному знанию частей и содержит в себе условия для априорного места всякой части и отношения ее к другим частям*» [1, с. 353–354] (курсив мой. – В. Р.). «Достижимое разумом единство есть единство системы, и это систематическое единство служит разуму не объективно, как основоположение, приложимое к предметам, а субъективно, как максима, приложимая ко всему возможному эмпирическому знанию о предметах <...> как если бы они

имели свое основание в этой сущности, созданной разумом; однако мы делаем это исключительно с целью основать на ней систематическое единство, которое для разума необходимо, а для эмпирического рассудочного знания во всех отношениях полезно и никогда не может быть ему помехой» [1, с. 577–578].

Вероятно, понимая, что одних онтологических характеристик системы разума недостаточно (для философов того времени они выглядели формальными), Кант сопровождает и подкрепляет системные характеристики методологическими разъяснениями. «Наши представления должны быть уже даны раньше всякого анализа их, и ни одно понятие не может *по содержанию* возникнуть аналитически. Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или а priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально может быть еще грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание» [1, с. 173]. «Отсюда видно, что при построении умозаключений разум стремится свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий) и таким образом достигнуть высшего их единства» [1, с. 344].

Но это означает, что системные представления сами по себе не задают объект (чистый разум), их еще нужно было истолковать предметно, что достигается Кантом с помощью методологических разъяснений, содержащих характеристики указанных выше предметов. С этой точки зрения конфигурирование нельзя рассматривать как простой синтез разнопредметных представлений, оно всегда опосредовано методологической работой (в данном случае это был системный подход, дополненный методологическими разъяснениями). Хотя в конфигураторе на уровне методологических построений указаны целостность и будущие связи, их «выявление» в самом предмете предполагает нащупывание и задание конкретных предметных стратегий и новых способов мышления.

Вернемся к работам Щедровицкого. Какой объект он хотел конфигурировать? Деятельность, заданную, как бы сказал Щедровицкий, в разных предметах. С одной стороны, еще с первой программы ММК это мыслительная деятельность, понимаемая как процесс. С другой стороны, это деятельность индивида, решающего задачи и проблемы с помощью определенных средств (схема акта деятельности). С третьей стороны, это деиндивидуальная деятельность, которой приписывались развитие, рефлексия, воспроизводство, кооперация и разделение позиций, «сферное» строение (всё это, по Щедровицкому, тоже разные предметы). Вводя новое понятие системы и противопоставляя его традиционному, Щедровицкий решает две задачи: конфигурирует указанные предметы как задающие разные сто-

роны целостного объекта – деятельности – и выстраивает на основе введенного понятия системы методологическое объяснение основных проблем, с которыми столкнулись методологи; например, как можно помыслить *развитие мышления*.

«Грубо говоря, – пишет Щедровицкий, – вопрос заключается в том, можем ли мы называть мышлением то, что возникает впервые в синтагматике и, следовательно, еще не нормировано (а значит, и не принадлежит пока к системе мышления), но будет нормировано ближайшим шагом деятельностного механизма и, следовательно, *войдет* в систему мышления, *станет* мышлением.

С точки зрения обычных представлений это типично парадоксальная ситуация. И традиционное понятие системы (совокупность связанных между собой элементов, образующая целостность) не может здесь помочь. Поэтому приходится прибегать к новому понятию системы, сформированному специально для описания деятельности и процессов ее развития. Системное изображение объекта, с новой точки зрения, обязательно должно содержать четыре слоя представлений: *процессов, функциональных структур, организованностей материала и морфологии*; последний слой, в свою очередь, содержит процессы, функциональные структуры и организованности материала, но уже другого типа. <...>

Используя новое понятие системы, мы можем без труда ответить на поставленный выше вопрос: то, что впервые возникает в синтагматике и проходит затем этап оформления в парадигматических организованностях, представляет собой *морфологию мышления*; составляющие ее процессы, структуры и организованности ассимилируются кооперативно-рефлексивным механизмом деятельности и за счет этого переводятся в собственные организованности, структуры и процессы мыслительной деятельности, транслируемой из поколения в поколение» [9, с. 478–479].

В этом месте я задал себе вопрос: почему я за редким исключением не прибегаю к помощи системного подхода? И для чего Кант и Щедровицкий к нему обращаются? Они отвечают: для того чтобы выйти на знание объекта (разума, деятельности). Но разве этот объект не создается самим Кантом и Щедровицким? Разве Канта направляет Бог? Нет, его обуславливают собственные априорные представления, разум самого Канта, разум других философов, знание истории философии, проблем науки, проблемы и задачи, которые Кант взялся решать, и пр. Аналогично, Щедровицкого направляют Аристотель и Кант, Маркс, его коллеги по семинару, споры с Александром Зиновьевым, андеграунд физического факультета МГУ, необходимость понять природу мышления и развития и многое другое, но всегда свое, личное, а если и социальное, то личностно осмысленное.

Но если объект создается самим мыслящим субъектом, зачем нужен системный подход? Чтобы ответить на этот вопрос, еще раз присмотримся к исходной ситуации. Кант и Щедровицкий считают, что объект существует, и неважно, что пока в непроявленном виде. Каким образом его сделать видимым? Как, например, поступает проектировщик, который тоже считает, что объект существует, но пока не проявлен (не спроектирован, не создан)? Он начинает со схемы, эскиза будущего объекта, т. е. объект задается, но в семиотической форме. Затем на основе этого эскиза создаются более конкретизированные эскизы, а на их основе модель объекта, с помощью которой объект и создается в материале [3, с. 38–48]. Нельзя ли тогда предположить, что системный подход – это проектная стратегия исследования и, вероятно, практических разработок? Исследователь проектирует свой объект, представляя его как систему. Вспомним: «Наши представления должны быть уже даны раньше всякого анализа их, и ни одно понятие не может *по содержанию* возникнуть аналитически. Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или а priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально может быть еще грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание». Современный проектировщик, имея в виду процесс проектирования, подписался бы под каждым словом этого разъяснения.

Исследования происхождения и особенностей проектирования показывают, что оно было подготовлено развитием естествознания и инженерии. Спроектировать объект можно, если предполагается, что существуют законы природы, описанные в естественных науках, и на их основе можно изготовить новый объект (инженерный), действующий в соответствии с этими законами [3, с. 22–24]. Для Канта это было очевидно в отношении первой природы, а вот как относительно разума? Судя по работе «О вечном мире», в которой природа заставляет государства и народы, даже против их воли, прекратить войну, Кант обобщает понятие природы, подводя под него и понятие разума. В этом случае разум можно спроектировать, что Кант и делает. Для Щедровицкого эквивалентом понятия природы выступало понятие деятельности, в реальности деятельности он и мыслит проектируемый им в рамках системного подхода объект.

Но у меня совершенно другая методология исследования и мышления, не проектная. Я не знаю, как устроен объект, его природу. Моя задача в ходе мышления и исследования «нащупать» его. Говоря языком феноменологов, если я буду правильно мыслить, правильно установлюсь, то объект выйдет сам. Уточню: конечно не сам, а с моей помощью, включающей в том числе мое творчество по созданию этого объекта.

Приведу два примера: гуманитарное исследование личности А.С. Пушкина и социогуманитарное исследование и проект «Донор».

На первое исследование меня подтолкнуло следующее письмо поэта. В апреле–мае 1826 года Пушкин пишет П.А. Вяземскому: «Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай денег, сколько ей понадобится – а потом отправь в Болдино. <...> При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется – а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, – хоть в Остафьево. Милый мой, *мне совестно ей богу – но тут уж не до совести* (курсив наш. – В. Р.)» (цит. по [4, с. 115]). Стал читать пушкиноведов и понял, что сложившийся у меня образ поэта не соответствует действительности. Захотел понять: а что собой представлял Пушкин как личность, тем более что для меня он был очень значимой фигурой? (Я вслед за Цветаевой мог повторить: «Мой Пушкин».) [4].

Чтобы понять, я решил провести исследование и задался методологическим вопросом: а каким оно должно быть? После размышлений вышел на такое решение: исследование личности Пушкина будет, во-первых, *гуманитарным* (в этот период я изучал особенности гуманитарной науки), во-вторых, *культурологическим* (я культуролог, к тому же было глубокое исследование М. Лотманом времени Пушкина и его личности), в-третьих, оно по понятным причинам будет *методологическим*. Отдельно продумал вопрос, что значит гуманитарное исследование личности. С одной стороны, оно, как всякое научное исследование, предполагает конструирование идеального объекта (Пушкин как идеальный объект), с другой – Михаил Бахтин, которого я очень ценю, говорил, что в гуманитарной науке нельзя человека представлять как объект, нужно предоставить ему голос, вступить с ним в диалог. Чтобы совместить эти два противоположных требования, пошел на компромисс: буду приписывать Пушкину такие характеристики (это условие конструирования идеального объекта), которые всё же позволят ему остаться человеком и отвечать мне. Обращаю внимание: на этом этапе исследования я не знал, что собой представляет личность Пушкина и смогу ли я «спасти» его для себя.

Опираясь на существующие исследования жизни Пушкина, его времени и письма, я приписал Пушкину ряд характеристик: Пушкин был *романтиком*, отсюда «двоемирие» и отношение к женщинам; был *помещиком* (стало понятнее его письмо); со временем он *разочаровался* в любовных победах и смог *более критически* взглянуть на себя; на Пушкина *большое влияние оказывали его друзья*, некоторые из них указывали на несоответ-

ствие его реальной жизни и идеалов, заявляемых в поэзии. Например, в марте–апреле 1829 года, за год до женитьбы Пушкина, П. Чаадаев пишет ему:

«Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не изменяйте своему предназначению, друг мой» (цит. по [4, с. 119]).

На этом этапе исследования я уже многое знал о Пушкине и, опираясь на приписанные ему характеристики, вышел на следующую гипотезу. Я понял, что на рубеже 1830-х годов под влиянием Чаадаева, собственной эволюции и ряда других причин у Пушкина происходит духовный переворот: он пересматривает свою жизнь, негативно оценивает ее и решает изменить в направлении, фактически указанном Чаадаевым. Только здесь я вышел на такое понимание нашего великого поэта, которое позволило мне лучше понять его поступки и, имея в виду духовный переворот, сохранить Пушкина для себя как личность. При этом никаких системных подпорок и эскизов мне не понадобилось. Чего не скажешь о методологии, именно на ней и реальном предметном исследовании всё основывалось [4].

Пример второй. В социогуманитарном исследовании и проекте «Донор» исследователи и разработчики тоже не знали, с каким объектом им придется иметь дело. Известна была лишь исходная проблемная ситуация: в России с 90-х годов стало падать число доноров, дойдя к 2007 году до 11 человек на 1000 донороспособного населения (в то время как в Европе – 40 чел., а в США – 60 чел. на 1000). Нужно было создать такие условия, чтобы горожане пошли сдавать кровь.

«Чтобы принять решение сдавать кровь, человек должен сказать себе: “Я – донор, и это здорово”. В разных модусах: я *могу* быть донором, я *должен* быть донором. То есть подразумевается новая идентичность человека, причем эта идентичность должна быть массовой и действовать регулярно. Донорская идентичность не может быть героической, реализованной однократно (если мы говорим про массовый масштаб), или ре-

гулярной только для выдающихся личностей. Как любая массовая идентичность, она предполагает людей другого качества и твердые, постоянные социальные условия. Не идет ли в данном случае речь о социальном институте?

Проецируя на донорство представления о социальном институте и его становлении, разработчики включили в принципиальную схему института донорства следующие составляющие: *органы власти, СПК, общественные организации, регулярные доноры*, а также потенциальные участники института – *первичные доноры и будущие потенциальные доноры*. Чтобы понять, какие факторы могут влиять на принятие решения сдавать кровь, а также вписать институт донорства в культуру (социум), в принципиальной схеме были представлены и *другие институты*: СМИ, бизнес, образование, религиозные конфессии, различные общественные (не донорские) объединения.

Следующей, уже теоретической, задачей было понять, какие реальные связи могут существовать между основными элементами данной системы и каково содержание самих этих элементов, т. е. как превратить данную схему в настоящую модель. Было проведено сравнение двух моделей (прототипов) социального института донорства – *мобилизационной и общественной*. Оно позволило уточнить гипотезу: в настоящее время донорскую реальность лучше всего описывает «смешанная» модель, в которой участвуют и государство, и общественные организации. Служба крови отвечает за общий “банк крови”, распределяемый по лечебным учреждениям централизованно и без привязки к локальным клиникам. Сбором и заготовкой компонентов, а также привлечением доноров занимается служба крови. НКО помогают государству как на национальном, так и на местном уровне.

Следующий этап работы – конкретизация модели и создание с ее помощью нового института донорства. В целом проведенные методологические и теоретические прикладные исследования позволили разработать и выполнить в 2008–2009 годах следующие действия (мероприятия):

- детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, ее масштабах и последствиях в случае невыполнения институтом донорства своих функций;
- формулирование и формирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т. п.);
- выявление основных участников института донорства, стимулирование их активности;

– создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;

– создание символики и фирменного стиля службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всероссийская видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);

– формирование коммуникации и взаимодействия службы крови с другими социальными институтами, указанными на принципиальной схеме донорства;

– задание традиционных мероприятий для института донорства.

Поскольку разработка социального проекта предполагает социальное управление, реализация проекта «Донор» включала такие технологии, как *организация, обучение и настройка сознания*. Все эти три вида управленческих воздействий после соответствующих исследований и были реализованы в проекте «Донор». Например, прошли переподготовку и обучение работники станций переливания крови и клиник, существенная работа была проведена с чиновниками органов власти, чтобы сформировать у них правильное отношение к донорству, практически со всеми участниками проекта шла организационная работа.

Проект «Донор» вполне можно считать успешным; россияне пошли сдавать кровь, и пошли хорошо» [3, с. 81–109].

Замечу: реализованная в данном случае стратегия также не потребовала обращаться к системному подходу. Методологи вышли на гипотезу о типе объекта, исследовали и проектировали, построили модель этого объекта и практически создали его, не представляя этот объект как систему. Исследовали, проектировали и создавали на основе методологических соображений, нескольких научных и прикладных дисциплин, использования ряда технологий. Этот кейс позволяет утверждать, что спроектировать сложный социокультурный объект можно, не обращаясь к системному подходу.

Заключение

Означает ли сказанное, что исследователи и разработчики проекта «Донор» мыслили бессистемно? Естественно нет. Идеи выявления и поиска целостности, природы и границ рассматриваемого явления, учета связей и влияний, соотношения синтеза и анализа и ряд других, относимых сегодня к системному подходу, разрабатывались на протяжении всей истории развития философии, методологии и науки. С одной стороны, специализация этих стратегий и средств в рамках системного подхода дает определенные преимущества, но с другой – обуславливает формализацию

и нередко ведет к ошибкам, например, к конструированию несуществующих объектов или игнорированию уникальности (индивидуальности) исследуемого объекта.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
2. *Розин В.М.* Конституирование и обоснование философско-методологических систем // Наука: от методологии к онтологии / отв. ред.: А.П. Огурцов, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 7–42.
3. *Розин В.М.* Проектирование и программирование: методологическое исследование. – М.: URSS, 2018. – 160 с.
4. *Розин В.М.* Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // Розин В.М. Особенности и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либрокком, 2009. – С. 108–127.
5. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 115–143.
6. *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и деятельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 143–155.
7. *Щедровицкий Г.П.* Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 57–88.
8. *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 88–115.
9. *Щедровицкий Г.П.* Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 477–481.
10. *Rozin V.M.* System Approach for Cosmology: a Version of a High-Potential Philosophical Research // Future Human Image. – 2019. – Vol. 12. – P. 64–75. – DOI: 10.29202/fhi/12/3.

References

1. Kant I. Kritik chistogo razuma [Criticism of Pure Reason]. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. T. 3 [Works. In 6 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 799 p. (In Russian).
2. Rozin V.M. Konstituirovaniye i obosnovaniye filosofsko-metodologicheskikh sistem [Constituting and substantiating philosophical and methodological systems]. *Nauka: ot metodologii k ontologii* [Science: from methodology to ontology]. Moscow, IF RAS Publ., 2009, pp. 7–42.
3. Rozin V.M. *Proektirovaniye i programmirovaniye: metodologicheskoye issledovaniye* [Design and Programming: A Methodological Study]. Moscow, URSS Publ., 2018. 160 p.

4. Rozin V.M. Dve zhizni Aleksandra Sergeevicha Pushkina [Two lives of Alexander Sergeevich Pushkin]. Rozin V.M. *Osobennosti i obraztsy issledovaniya v gumanitarnoi nauke* [Features and patterns of research in the humanities]. Moscow, Librokom, 2009, pp. 108–127.

5. Shchedrovitskii G.P. Organizatsionno-deyatelnostnaya igra kak novaya forma organizatsii i metod razvitiya kollektivnoi mysledeyatelnosti [Organizational-activity game as a new form of organization and a method for the development of collective mental activity]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 115–143.

6. Shchedrovitskii G.P. Metodologicheskii smysl oppozitsii naturalisticheskogo i deyatelnostnogo podkhodov [Methodological meaning of the opposition of naturalistic and activity approaches]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 143–155.

7. Shchedrovitskii G.P. Sistemnoe dvizhenie i perspektivy razvitiya sistemno-strukturnoi metodologii [System movement and prospects for the development of system-structural methodology]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 57–88.

8. Shchedrovitskii G.P. Printsipy i obshchaya skhema metodologicheskoi organizatsii sistemno-strukturnykh issledovaniy i razrabotok [Principles and general scheme of the methodological organization of system-structural research and development]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 88–115.

9. Shchedrovitskii G.P. Sistemno-strukturnyi podkhod v analize i opisaniy evolyutsii myshleniya [System-structural approach in the analysis and description of the evolution of thinking]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 477–481.

10. Rozin V.M. System Approach for Cosmology: a Version of a High-Potential Philosophical Research. *Future Human Image*, 2019, vol. 12, pp. 64–75. DOI: 10.29202/fhi/12/3.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023.

Статья прошла рецензирование 11.07.2023.

The article was received on 30.06.2023.

The article was reviewed on 11.07.2023.